

П.Д. Тищенко

Биотехнологическая ре-де-кон-струкция человеческого в человеке: казус сексуальности

Человек – соучастник глобальных процессов эволюции Вселенной. Постоянное становление иным входит в его существо и как природная предпосылка, и как онтологическое основание дробящегося и ветвящегося в множющихся вариантах исторических и культурных траекторий антропогенеза. Эта стихия пропитывает все формы его деятельного присутствия в мире и находит в них специфические каналы для своей реализации. Одним из наиболее значимых в современной исторической ситуации каналов, через которые стихия становления иным, врывается в жизнь человека, являются биомедицинские технологии. Стремительно плодясь и захватывая все новые и новые социальные пространства, они радикально меняют не только формы человеческого существования, но и человеческую сущность – то, что человек узнавал в себе как собственно человеческое. Происходит спровоцированное прогрессом биотехнологий и оснащенное его ресурсами скольжение по ту сторону человеческого в человеке.

Человек, пытаясь обрести все больше и больше власти над жизнью, постоянно теряет себя. А в ответ на вызов исторической ситуации слишком часто склоняется к крайностям агрессивного антисциентизма или самодовольного технократизма. Эти антагонистические установки выражают глубоко укорененную в сознании современного человека апорию. Он продолжает уповать на науку и технологии как на средство решения многих острейших проблем. Как на источник качественного улучшения своей жизни,

расширения возможностей самореализации. Как на гарантию сохранения и актуализации своей сущности. Но чем больше власти он приобретает, тем опаснее становится эта власть для него самого. Причем опасность опознается и для его существования (экологические, демографические и медицинские проблемы), и для его сущности (биоэтические проблемы). Опасность вырастает именно из того источника, в котором новоевропейский человек черпал средства своего спасения.

Этот парадокс является специфическим, постоянно воспроизводимым началом острейших дискуссий относительно допустимости или недопустимости разработки тех или иных биотехнологических новаций. Можно ли его разрешить? Полагаю, что можно. Но не в смысле опровержения одной из противоположных установок или снятия обеих в некотором диалектическом синтезе на гегелевский манер. Решение заключается в прямо противоположном – в осмыслении парадоксального характера ситуации как необходимого. Но читатель волен спросить: а что с парадоксом можно делать? Не издевается ли автор, предлагая в качестве решения сохранение исходной неразрешимости? Сохранение спорности (проблемы) как таковой. Ведь ситуации, складывающиеся в сфере биотехнологий, чрезвычайно остры. Необходимо срочно найти выход не только теоретически (здесь, конечно, автор может и с парадоксами поработать), но и чисто практически, конкретно, не откладывая, ответить на встающие многочисленные вопросы. Определиться: про или contra. Однако позволю себе настаивать. Именно осмысление парадоксального характера ситуации как необходимого является основанием для конкретного, безотлагательного, содержательного, практически эффективного ответа на встающие сложнейшие проблемы. Дело в радикальном переосмыслении идеи ответственности в ситуации имманентно-го становления иным.

Для обоснования высказанного предположения сделаю несколько шагов. Первым шагом попробую очистить поле рассуждения от навязчивого давления желаний во что бы то ни стало сохранить бывшее или несмотря ни на что создать небывалое, показав их взаимодополнительный характер. Вторым шагом, взяв в качестве наихарактернейшего примера сексуальность, картирую пучок тенденций становления человека иным под влиянием биотехноло-

гического прогресса. Третьим – в самых общих чертах сформулирую, как возможна ответственная позиция в ситуации скольжения по ту сторону человеческого в человеке.

Взаимообоснование позиций pro и contra

Собственно человеческое в человеке – это не некая предсуществующая сущность, выражением которой являются традиционные запреты и моральные ограничения, но именно сама тенденция к пре-ступлению любой готовой формы жизни. Тенденция к само-преобразованию, творчеству новых и новых форм человеческой сущности и существования. То есть, собственно человеческое в человеке – это и есть сам порыв к новому, к открытию «мира впервые» (В.С.Библер). Эпоха Нового времени, еще дрящущаяся, несмотря на глубинные преобразования, сама себя и узнает только в «новом», еще небывалом. Герои этой эпохи – первооткрыватели, изобретали, новаторы, неважно в какой области: политике, художественном творчестве, науке, технике и т.п. «Каждое поступить, – свидетельствует Марина Цветаева, – есть преступить чей-то закон: человеческий, божеский или собственный». Из этой перспективы культурного видения становление человека иным под действием технологического прогресса является наиболее аутентичным выражением его творческой самости. Тот, кто выступает против новых, более совершенных технологий преобразования человеческой сущности и форм существования, движим предрассудками, от которых человечество должно освободиться, чем раньше и радикальнее, тем лучше.

Так обычно рассуждают сторонники научного и технологического прогресса. Однако нетрудно заметить, что априорным условием возможности преступления закона является законодательный акт, его утверждающий. Он должен быть кем-то изобретен. Богом. Человеком. Собой. В этой перспективе нарушение закона – акт мелкий, жульнический, весьма пошлый. Для творчества нужно поднять планку выше. Но и противоположная позиция, желающая консервативно защитить, закрепить именно то, что уже всегда было как наше общее традиционное основание, оказывается в сложном положении. Все, что учреждено «человеком» (конкретным сообществом, сувереном и т.п.), в момент своего учрежде-

ния с необходимостью было нарушением прежде учрежденного. Например, принятие христианства на Руси – это радикальнейший отказ от традиции, от завещанных предками форм веры и образа жизни. Акт фундаментального попрания всего, что связывало русских с землей. Ведь язычество (о чем недвусмысленно напомнил в начале XX в. Павел Флоренский в книге «Общечеловеческие корни идеализма») – это и есть интимнейшая связь с жизнью окружающего мира. Связь дословная и неотступующая. Связь живая, поскольку неопредмеченная в отчужденном в письме слове (в том числе и Слове). Передающаяся традицией из рук в руки и из уст в уста. Христианство эту связь уничтожило, установив радикально иную структуру отношений между человеком, природой и Богом. Историческая новация, которая попросту несопоставима с т.н. «октябрьской революцией», поскольку последняя лишь переименовала архаичные структуры крепостничества. Крещение преобразовало всю жизнь на новых основаниях.

«Божеские законы», утверждаемые вместе с творением мира, в подобных априорных условиях не нуждаются. Казалось бы, на них можно положиться в противостоянии скольжению по ту сторону человеческого в человеке, хотя и это лишь видимость. Достаточно попросту воздержаться от самомнения, путающего отсебятину с Откровением. А если этой путаницы нет, то все сказанное в Откровении в «моем» частном слове и понимании выступает как рискованный перевод с языка, на котором уже никто не говорит, сопровождаемый рискованным истолкованием этого перевода. «Вечные истины» каждой эпохой открываются заново. Изобретаются. Именно поэтому можно говорить об истории богословия. Параллельно происходит непрекращающийся перевод священных писаний на живой язык, неудержимо становящийся иным.

В своем простом противостоянии традиция и новация, исключая друг друга, опираются друг на друга. Являются друг для друга априорными условиями опыта само-узнавания.

Топика тенденций

Человек себя постоянно преобразует. Биотехнологии являются полем незаметных для научного и обывательского взгляда, но самых радикальных преобразований человеческого в чело-

веке. То, что они незаметны обывателю, – дело понятное. Но с учеными-биотехнологами ситуация сложнее. Кто как не они лучше других разбирается в сути происходящего? Что понимают, к примеру, в проблемах клонирования философы или совсем уж невесть откуда взявшиеся биоэтики, если они ни микроскопов, ни манипуляторов в глаза не видели. Научных статей не читают, а пользуются лишь пересказами в научно-популярной литературе. Если ты не знаешь и не понимаешь, никакого права что-либо утверждать или опровергать не имеешь. Подобное приходится постоянно слышать в спорах с врачами и биологами. Дело, однако, в том, что микроманипуляции на клеточном уровне имеют своей причиной не природные процессы, а нечто происходящее в головах ученых – то, что остается вне их поля профессионального знания. Ученый лучше других знает, что он делает, но совершенно не знает (именно как ученый), почему он это делает. Более того, зная последствия своих действий, которые можно отследить с помощью микроскопа или иного научного прибора или метода, он категорически некомпетентен относительно последствий, могущих возникнуть на уровне сознания человека или структуры человеческих сообществ.

События скольжения по ту сторону человеческого в человеке, разворачивающиеся в пространстве, находящемся в слепом пятне экспертов в области биотехнологий, меня и интересуют. Именно о них пойдет речь дальше... Правда, здесь возможно усомниться, в каком смысле сексуальность относится к человеческому в человеке, его сущности или идентичности. К примеру, она явно выпадает вместе с другими телесными феноменами из поля, очерченного тремя вопросами И.Канта. Согласно современным философским тенденциям сексуальность выступает для меня как форма воплощенной субъектности, как телесная форма укоренения человека в бытии. Биомедицинские технологии преобразуют ее объектные характеристики, создавая ресурс для появления качественно иных форм человеческого воплощенного субъекта.

Попытаюсь дать карту подобного рода событий, выделив в них четыре конкурирующие тенденции, проявляющие себя в соответствующих дискурсах легитимации – узнавания, признания и оправдания происходящего. Использованное мной в заголовке статьи сложное слово ре-де-кон-струкция является обозначе-

нием этих тенденций. Конечно, было искушение найти общее имя и тем самым избавиться от тяжеловесной косноязычной сложности. Под рукой были такие слова, как «модификации», «трансформации», «преобразования» и другие. В некоторых случаях в тексте, когда не нужна строгость изложения, они появлялись. Однако, по возможности, я старался сопротивляться этому искушению и сохранить сложную и тяжеловесную косноязычность в имени темы именно постольку, поскольку она наиболее адекватна сложности и ускользающей от гладкости логического рассуждения структурной неоднородности рассматриваемых событий. Хайдеггер видел власть слова в его способности дать возможность вещи быть собой. Поэтому мне и пришлось подыскивать слово, которое бы оптимальным образом предоставляло возможность быть собой тому, что по своей сути всегда становится иным. Причем это изменение открывается нам не в одном каком-то проясняющем дискурсе, но сразу, как минимум, в четырех. Ре-де-кон-струкция связывает пучок тенденций, которые можно обозначить словами реконструкция, конструкция, деконструкция и деструкция. В отношении к последним это слово выступает в качестве конструктора. Из него они складываются как из деталей.

Реконструирование – это тенденция действия, направляющая его на восстановление утерянной формы. Восстановление утраченного здоровья – самый характерный, хотя и не единственный пример реконструирования. Уточняющим синонимом реконструирования может считаться идея реабилитации как деятельности, предполагающей не только медицинское, но и психологическое, социальное и даже духовное восстановление целостности человеческого существования. В любом случае та норма (идея целостности), ориентируясь на которую строится человеческое действие, предсуществует в отношении к ситуации действия. Она как бы локализована в прошлом, была нарушена, и теперь ее предстоит восстановить.

Конструирование представляет собой реализацию тенденции к созданию новой формы. В отличие от реконструирования, она предполагает в качестве определяющего специфику элемент новации, изобретения, создания новой формы человеческой сущности или человеческого существования. Его частным вариантом явля-

ются практики абилитации. Об абилитации говорят тогда, когда врачам, педагогам, психологам, социальным работникам и иным субъектам биомедицинской деятельности приходится не восстанавливать утраченную целостность, но создавать ее фактически заново. В любом случае для конструирования важен эффект новации, с одной стороны, а с другой (с тем, чтобы отличить от деконструирования) – эффект возникновения новой целостности. Конструирование преобразует некоторую исходную природу человека с тем, чтобы придать ей новую, более современную конкретную форму. В конструировании и продукт, и его нормативный образ появляются одновременно. Целостность не предшествует производству, а рождается вместе с ним. Она локализована не в прошлом, но в настоящем. Она по сути своей современна.

Деконструированием я называю процесс преобразования природы человека, результатом которого является ее превращение в своеобразный конструктор, материю (в аристотелевском смысле). Этой материи в соответствии с индивидуальными или коллективными предпочтениями можно придавать необходимую для решения конкретных задач или реализации тех или иных ценностей форму. Особенность деконструирования в том, что ценность и целостность человеческого существа категориально схватывается идеей бытия-в-возможности. Человеческое в человеке в данном случае – это не нечто бывшее или здесь и теперь созданное, но культивируемое всем блоком наук о человеке могущество, его возможность приобретать новые биологические, психологические, социальные и иные качества, осваивать новые формы деятельности и образы индивидуального существования. Его целостность открыта неизвестности будущего.

Нетрудно заметить, что три выделенные тенденции схематично связаны с темпоральной структурой прошлое – настоящее – будущее. Тенденции приобретают особенность в зависимости от того, какой момент времени избирается как определяющий идею целостности человека. В реконструкции доминантой является прошлое, в конструкции – настоящее, в деконструкции – будущее. Если бы ситуация этими тенденциями ограничилась, то вполне можно было бы дать им общее имя, поскольку есть общее основание – разворачивание времени. Однако карты путает четвертая тенденция, внося в ситуацию имманентные черты безвременья,

продуцируя непредставимые эффекты чистого становления. Отсылка к ней неизбежна, поскольку возникающую экзистенциальную ситуацию, порождаемую прогрессом биомедицинских технологий, иначе как пастернаковским переводом Шекспира: «Распалась связь времен», – охарактеризовать затруднительно. Еще в начале 60-х гг. XX в. Ганс Йонас убедительно показал, что в сфере биотехнологий рост могущества с неизбежностью ведет к непредсказуемости и неконтролируемости результатов человеческого действия. Именно эта тенденция и обозначается мной словом деструктурирование или деструкция.

Деструктурирование обнаруживается в продуцировании отходов – активной среды научно непредставимых и технологически неконтролируемых последствий трех первых тенденций. Того, что возвращается к человеку в качестве следа в форме болезней, экологических проблем и глобальных антропологических рисков. Человек в этой ситуации оказывается не просто открыт будущему в горизонте возможностей настоящего, но брошен в ситуацию не-возможного. Она никак не просматривается и не освещается его знанием. Он теряет возможность узнавать себя как субъекта действия. Одновременно само понятие действия утрачивает свойственный ему смысл.

Можно также отметить, но оставить без обсуждения связь описанных выше тенденций с выделенными Маргарет Мид типами самоидентичности – постфигуративной (полагающей центр самоидентичности в прошлом), конфигуративной (полагающей его в настоящем) и префигуративной (полагающей в будущем). Единственное, что для большей точности и соответствия полезно было бы дополнить мидовскую классификацию типом «дисфигуративной» идентичности, формирующейся как отход от реализации трех основных проектов самоидентификации. Его природа – это природа ускользающего протeya. Бессознательное, открытое Фрейдом, – одно из частных имен дисфигуративной идентичности, являющейся отходом постфигуративных практик самоидентификации (самоидентификации через отношение к отцу). Причем эта открытость дисфигуративному сохраняется не в психоаналитических топиках и теориях, а в свойственной самому психоанализу деструктурирующей тенденции становления иным. Психоанализ начал быстро дробиться на многочисленные варианты школ и интерпретаций,

каждая из которых, схватывая и вводя в обзор представимого свое, с неизбежностью теряла из виду неуловимую стихию становящегося. Поэтому деструктивная тенденция и предполагающая ее «дисфигуративная идентичность» (как ни парадоксально это именование безымянного) в принципе неустранимы и непредставимы.

Имея в своем распоряжении инструмент аналитического расщепления тенденций, попытаюсь с его помощью распутать сложный клубок фундаментальных антропологических проблем, порождаемых биотехнологическим прогрессом в пространстве человеческой сексуальности.

Решение этой задачи предстанет как многократный повтор ситуации, в которой на первом этапе внедрения конструктивная по своей природе биомедицинская инновация получает легитимность за счет выявления реконструктивного основания. На втором она с неизбежностью начинает раскрывать не предполагавшееся в зачине данной инновации поле возможностей для возникновения новых форм сущности и существования человека, становится деконструкцией. Повтор с каждым новым технологическим достижением данной ситуации, с одной стороны, накапливает потенциал человеческого могущества, творчески расширяя область его контроля над собственными процессами жизнедеятельности. Однако, с другой стороны, в качестве побочного следствия продуцирует тень непредсказуемых рисков, которая по мере прогресса не рассеивается, а сгущается. Инновации обнаруживают в себе деструктивные тенденции.

Выбор сексуальности¹ как примера произволен. Аналогичные тенденции без труда можно обнаружить в различных технологиях: геномных, клеточной инженерии, умирания и смерти, трансплантации органов и тканей, и т.д.

Ре-де-кон-струкция сексуальности

Аборт. Прерывание нежелательной беременности имеет древнюю историю. Однако собственно медицинской проблемой, предметом научного изучения и технологического совершенствования аборт становится в конце XIX – начале XX вв. Вначале как форма оказания помощи женщинам, для которых роды несли смертельную опасность. То есть как реконструктивная форма деятельности,

совмещавшая идеи предупреждения опасности и спасения жизни женщины. В этом исходном смысле медицинский аборт отвергается лишь самыми радикальными религиозными деятелями. Реализовать эту реконструктивную установку можно было только за счет разработки (конструирования) новых, научно обоснованных технологий аборта.

Как только разработанные медиками новые методы аборта стали достаточно безопасными, они сразу же раскрыли поле возможностей для своего использования с иной мотивировкой. И опять же выдвижение на это поле имело чисто реконструктивное обоснование. Аборты по желанию женщины, совершавшиеся случайными людьми, слишком часто наносили тяжелый вред здоровью и нередко заканчивались ее смертью. Спасти эти жизни, предотвратить неизбежный вред здоровью женщин – это были главные формы утверждения легитимности абортов по желанию на первом этапе. Тем более, что технологические возможности уже присутствовали.

Легализация аборта по желанию, происходившая на следующем этапе разными темпами в разных странах под флагом борьбы за права женщин, как ни парадоксально, сохраняла для него смысл медицинской помощи. Подобного рода сохранение реконструктивной тенденции возможно лишь на основе конструктивного преобразования исходной идеи целостности человека. И, соответственно, новой идеи страдания – нехватки и ущербы в сущности и существовании человека. Какого рода целостность восстанавливает аборт? Совсем не ту, что предполагалась в первоначальном развитии этой медицинской технологии. Речь не идет о спасении жизни как главной ценности и основания целостности, а о восстановлении свободы женщины, ее возможности планировать свою жизнь и распоряжаться ею по своему усмотрению. Иными словами, конструктивистская тенденция в модификации репродуктивной функции человека позволяет переопределить реконструктивный смысл этой технологии и тем самым сохранить для нее статус медицинской помощи.

Инновационное преобразование идеи целостности происходит в русле основных тенденций развития новоевропейской культуры. Детородный процесс превращается из естественного события и атрибута сексуальности человека, практически неизбежно происходящего, как только люди вступают в половую связь,

в предмет выбора, в предмет рационального действия, контроля и планирования. Антропологическим последствием массового применения аборта как медицинской технологии является вычленение атрибута деторождения из идеи сексуальности. Первоначально как чистый сдвиг из антропологической реальности, которая «есть» (в этом смысле ест-ественна), в реальность, которая лишь «может быть». Этот сдвиг имманентно присутствует в самой идее целесобразного предметного действия². Конкретные антропологические последствия этого сдвига еще только предстоит изучить. Поскольку план бытия в возможности, раскрываемый технологиями аборта, устанавливается и входит как новая реальность в понимание сущности и форм существования человека, то одновременно происходит его отделение от той идеи целостности, с защитой которой было связано его появление. Как форма медицинской помощи аборт постепенно начинает использоваться для решения различных задач. Например, задачи рождения ребенка желательного пола или для решения медико-генетических проблем.

Тем самым технологии аборта осуществляют первый и еще довольно примитивный шаг в деконструировании сексуальности человека. Он радикализуется за счет развития технологий контрацепции.

Контрацепция. Как и в случае аборта, сама практика контрацепции уходит глубоко в историю. Превращение ее в форму медицинской помощи и научной проблемы происходит относительно недавно и получает массовое распространение лишь во второй половине XX в. Идейным обеспечением медикализации контрацепции становится подготовленная медикализацией аборта идея целостности человека, в которой центральное место занимает свобода выбора. Подбор контрацептивов, рекомендации по их надежному и безопасному использованию, разработка широкого спектра механических, химических и биологических контрацептивных средств – все это естественным образом входит в сферу деятельности врача.

Прямым последствием реконструктивной по своему оправданию медицинской технологии контрацепции становятся многочисленные социальные и психологические конструктивные инновации – модификации человека, приведшие к формированию новых образов и образцов человеческой жизни, в рамках которых

сексуальность распалась на секс, развивающийся относительно самостоятельно, и семью, еще сохраняющую заботу о деторождении. Многообразие возникших в результате антропологических последствий в литературе обозначается как «сексуальная революция» 60-х гг. XX в. Подчеркну, ее следствием является не только конструирование новых форм человеческой жизни, но и еще более радикальный сдвиг в понимании антропологических атрибутов из «есть» в «может быть», что начинает оказывать влияние на все остальные, еще традиционно воспроизводящиеся формы жизни. Например, поскольку секс как форма жизни отделяется от деторождения, то внутри этой сферы жизни как необходимое следствие возникает безразличие к делению на мужское и женское. Исчезает чувство естественности гетеросексуальности. Она, как и гомосексуальность, становится одной из возможных форм сексуальной ориентации. Сексуальность тем самым еще в одном аспекте проходит процесс деконструкции, превращения в «материю», из которой благодаря свободному выбору человек может выбрать для себя ту или иную форму.

Следующий шаг преобразований сексуальности человека связан с непосредственной трансформацией процессов репродукции.

Новые репродуктивные технологии. Технологии аборта и контрацепции лишь извне контролировали детородный процесс, предотвращая его наступление или прерывая его. Новые репродуктивные технологии вторгаются в его естественное протекание, одновременно порождая многочисленные антропологические последствия. Однако и в данном случае начальный этап осуществляется как реализация реконструктивных тенденций (восстановление целостности), что позволяет с самого начала создавать и совершенствовать их как формы медицинской помощи. «Болезнь», которую лечат эти технологии, называется бесплодием. Лечат не в смысле исправления «поломки» в организме женщины или мужчины, но смысле создания искусственных технологических систем, которые замещают естественные.

Принципиально важно, что реализация реконструктивных задач в данном случае осуществляется как конструирование новых, технологически преобразованных репродуктивных форм. Искусственное осеменение, заимствованное медициной в животноводстве, получает в конце 70-х – начале 80-х гг. широкое рас-

пространение. Практически сразу же возникают и начинают распространяться технологии экстракорпорального оплодотворения (оплодотворения в «пробирке») с последующей имплантацией оплодотворенных эмбрионов в матку женщины. Как и в вышеописанных случаях, реконструктивно оправданные конструктивные инновации в качестве необходимого следствия вызывают процессы дальнейшей деконструкции сексуальности человека.

Аборт и контрацепция расчлняют секс и деторождение, пока еще связанное с семьей. Искусственные репродуктивные технологии расчлняют и делают условными, зависящими от выбора естественные формы семейной самоидентичности: мать, отец, сын, дочь, внук, внучка, бабушка, дедушка и т.п. У каждой из них появляется двоеение на «биологическое» и «социальное». Например, биологический отец – донор спермы, другой человек, чем отец социальный, выращивающий ребенка. В случае оплодотворения в пробирке существуют вариации, когда один из родителей удвоен или оба. Поскольку имплантация оплодотворенной яйцеклетки может происходить как в матку женщины – будущей социальной матери, так и в матку суррогатной матери, то комбинаторика дополняется еще одним элементом. То есть возможен вариант, при котором у ребенка будет два отца и три матери. Три матери и один отец или по два с каждой стороны и т.д. Часто встречающийся вариант, при котором вынашивающей матерью выступает мать будущей социальной матери, создает серию гибридных самоидентификаций. Рожденный ребенок может оказаться для женщины, которая его родила, и сыном, и внуком, а она для него и матерью, и бабушкой. Для социальной матери он и сын, и брат, а она для него и мать, и сестра. Тем самым семья из естественной данности превращается в своеобразный конструктор, используя различные элементы которого можно создавать те или иные комбинации.

Аналогию с конструктором еще больше подчеркивает процесс превращения частей человеческого тела в товар. Растет рынок, на котором донорская сперма и донорские яйцеклетки выступают в роли товара. Параллельно возникает рынок платных услуг по вынашиванию и рождению зачатых в пробирке детей.

Тем самым по ходу изобретения новых репродуктивных технологий человек еще глубже подвергает деконструированию свою собственную сексуальность.

Дальнейшую радикализацию процессы деконструкции сексуальности человека претерпевают в связи с развитием практик транссексуальности.

Транссексуальность. Вполне естественно, что достаточно экстравагантные медицинские технологии изменения пола человека возникают вначале как чисто реконструктивные формы медицинской помощи, прежде всего в связи с лечением различных форм гермафродитизма. Хотя и в этом, достаточно объяснимом случае результатом оказания помощи оказывается не восстановление первоначальной формы, а ее создание заново. Реконструирование, тем самым осуществляется в форме конструирования.

Еще в большей степени конструктивная тенденция проявляется в тех случаях, наиболее характерных для современной ситуации, когда причиной транссексуальных манипуляций оказываются не биологические проблемы развития половых органов индивидов, а чисто психологические. Индивид вдруг осознает, что не может дальше существовать в данном от природы теле мужчины или женщины. Он требует от врачей помощи, хирургической и гормональной, с тем, чтобы имеющийся от рождения пол поменять. Медицинская технология по желанию «пациента» конструирует тот или иной пол. Создает мужчину или женщину из некоторой биологической потенции – тела как конструктора. Тем самым лежащие в основании сексуальности естественно данные формы самоидентичности мужчины и женщины превращаются в социальные конструкции.

В качестве примера приведу казус Томаса Бити в изложении *Gazeta.ru* от 4.07.08 (Алена Марьянова)

Мужчина родил ребенка. «34-летний Томас Бити, житель штата Орегон, произвел на свет девочку, «очень милую, просто красавицу», говорят друзья семьи Бити. Транссексуалу не понадобилось кесарево сечение, ребенок родился естественным способом. Отец и дочь уже выписаны из клиники домой. К маме.

В четверг стало известно, что беременный мужчина из американского штата Орегон наконец разродился. Как сообщил каналу ABC источник, близкий к семье Томаса Бити, роды прошли без осложнений, младенец и родивший его отец здоровы...

Сам Томас Бити родился на свет девочкой по имени Трейси, провел первые 20 лет своей жизни в женском теле, был моделью, участвовал в конкурсах красоты, но впоследствии изменил пол,

пройдя курс гормональных инъекций. Врачи удалили ему грудь, у него начала расти щетина. Правда, менять половые органы он не стал. И, как вскоре выяснилось, не зря: в 2007 г. Томас и его подруга, 42-летняя Нэнси, с которой они жили уже 10 лет (кстати, у Нэнси есть двое детей от первого брака; свои отношения с Бити она официально оформила в 2003 г.), решили завести ребенка, но оказалось, что спутница жизни транссексуала не может забеременеть. Тогда будущий отец решил выносить первенца сам.

Для начала он перестал получать уколы тестостерона (мужского гормона), чтобы снова начались менструальные выделения. Потом пара пошла по врачам, и только на девятом специалисте по репродукции Бити смог со второй попытки удачно забеременеть от замороженной донорской спермы. Супруга сама оплодотворила Бити в домашних условиях.

Она сделала это с помощью специального устройства, напоминающего шприц без иглы. Такое приспособление чета Бити приобрела в ветеринарной аптеке: с его помощью обычно оплодотворяют птиц...». Родив себе ребенка, Бити вновь вернулся к гормональной терапии, которая позволила восстановить мужской облик...

Следующий шаг в деконструкции сексуальности человека совершают технологии клонирования.

Клонирование. Транссексуальные технологии делают различия между мужским и женским условными, зависящими от индивидуального выбора, но сохраняют их значение для самой сексуальности. Клонирование как технология воспроизводства человека не от двух людей (матери и отца), а от одного (неважно, какого пола) снимает различие между мужским и женским, которое, не трудно заметить, на протяжении всей предшествующей истории определяло динамику и культурного развития человечества в целом, и индивидуального развития людей. Опять же сторонники идеи клонирования человека оправдывают развитие соответствующих технологий медицинскими проблемами (некоторые варианты бесплодия) или необходимостью оказания помощи людям, лишившимся близких (например, мужа или сына) и желающим облегчить свое страдание, дав жизнь клону (биологической копии) погибшего человека.

Однако нетрудно заметить, что развитие репродуктивного клонирования как фундаментальной по своей инновационной сути разновидности конструирования человека окажется столь же фун-

даментальной формой деконструкции сексуальности как атрибута собственно человеческого в человеке. Репродукция будет отделена от различия человеческого в человеке на мужское и женское, причем само различие станет несущественным, по аналогии с гомосексуализмом, своеобразной сексуальной «ориентацией», которую по желанию можно как угодно менять.

Предпоследний аккорд описанной выше многослойной деконструкции сексуальности человека будет связан в будущем с успешной реализацией проектов разработки искусственной матки.

Искусственная матка. Мечта о создании искусственной матки для медицинского сообщества вполне естественна. Реализация этого проекта позволит поставить *под полный контроль со стороны ученых весь процесс зарождения человека от зачатия до появления на свет*. Огромное число форм врожденной патологии будет своевременно обнаружено и подвергнуто лечению. Одновременно женщина будет освобождена от рисков, связанных с беременностью и родами. Реконструктивное оправдание более чем весомое.

Конструктивная тенденция также более чем рельефна. Речь идет об одной из самых радикальных модификаций человеческого существа. Впервые столь существенно важный биологический процесс будет вынесен за рамки человеческого тела и обеспечен деятельностью чисто механического устройства. Здесь важно не пропустить разницу между искусственной маткой и другими искусственными системами (почкой, печенью, сердцем, легкими и т.д.). Дело в том, что традиционно развивающиеся системы искусственных органов обеспечивают жизнь того естественного тела, которое нам дано от природы. Они восполняли недостаточность поврежденного органа. Искусственная матка «извлечет» из тела человека как несущественный один из естественных процессов и «воплотит» его в технической системе. Женственность, низведенная до уровня сексуальной ориентации, будет освобождена от атрибута материнства. Одновременно произойдут радикальные преобразования самоидентичности человека, «зачатого» путем клонирования и рожденного машиной. Его природная связь с другим человеком будет сведена к «донорству» клетки.

Пилюля счастья. И, вероятно, последним аккордом тотальной деконструкции сексуальности как наиболее существенного атрибута человеческого в человеке станет успех в области пси-

хофармакологии – разработка «пилюли счастья». Человек будет освобожден от рисков, связанных с половой жизнью для получения сексуального удовольствия. Прервется опасная цепочка распространения ВИЧ, гепатита и других инфекций, связанных с половым контактом. Человечество станет более здоровым и счастливым. Правда, не вполне понятно, в каком смысле оно останется человеческим.

Деструкция человеческого в человеке. Эта непонятность указывает на то обстоятельство, что за спиной реконструкций, конструкций и деконструкций неприметным образом разворачивается тотальная деструкция человеческого в человеке. Тень непредставимых, неконтролируемых и непредсказуемых рисков сгущается. Классическая наука видела в рисках результат недостаточности научного знания. В современной ситуации риски растут и глобализируются именно благодаря прогрессу науки. Причем риски не только физические, но и метафизические. Риски потерять собственно человеческое в человеке. Риск тем более реальный, что взглядом экспертов, врачей и биологов, которые до сих пор решают вопросы, развивать или не развивать ту или иную технологию, не наблюдаемый. Если общество будет довольствоваться одномерным взглядом ученого-естествоиспытателя, то вполне реально с ним случится то, что случилось с героем Р.Шекли. Оно просто не заметит, что произошло что-то особенное. Оно успокоено обнаружит, что «дома» все осталось на своих местах: «Жизнь шла заведенным чередом: отец пас крысиные стада, мать, как всегда, безмятежно несла яйца... Разве дубы-гиганты не перекочевывали по-прежнему каждый год на юг? Разве исполинское красное солнце не плыло по небу в сопровождении темного спутника?... Марвина успокоили эти привычные зрелища»³... К сожалению, для нашего общества характерно проходить кризисные ситуации, что называется, не приходя в сознание.

Но если все-таки опомниться – каким может быть ответ на возникшую ситуацию? Какого рода ответственность адекватна глубине и радикальности встающих перед человеком вызовов? Для того, чтобы подступить к ответу, полезно напомнить некоторые принципиальные аспекты переосмысления идеи моральной ответственности в философии Ганса Йонаса.

Ганс Йонас и переосмысление идеи ответственности

На протяжении веков наука и порождаемые ею технологии рассматривались как этически нейтральные. Американский (до 1934 г. – немецкий) философ Ганс Йонас, характеризуя классический подход к этическим проблемам научных технологий, подчеркивал, что «традиционная идея *техне*... является этически нейтральной – и в отношении объекта, и в отношении субъекта действия»⁴. Однако взрывы ядерных бомб уничтожили миф моральной нейтральности науки. Миф, который активно обосновывала классическая новоевропейская метафизика. Йонас поставил самым радикальным образом вопрос о неправомерности разграничения сущего (данного в научном знании) и должного. Ограниченность статьи не позволяет рассмотреть этот вопрос с адекватной основательностью. Только отмечу, что, с моей точки зрения, попытка Йонаса преодолеть метафизический раскол носит натурфилософский характер. Поэтому его идеи оказались неостребованными в современной науке. В ряде работ, опубликованных в разное время, я попытался показать связь поступка и причинного события, не преступая границ научной рациональности и этики⁵. В историческом аспекте идею Йонаса подтверждают экологическое движение, которое поставило вопрос об ответственности науки за выживание человечества, и биоэтика, опознавшая в науке угрозу человеческой самоидентичности.

Следующим аспектом переосмысления идеи ответственности стало у Йонаса понятие действия. В традиционной этике «само моральное действие сводилось к непосредственному воздействию одного человека на другого человека или их взаимодействию»⁶. В современной ситуации природа, жизнь, окружающая человека и являющаяся условием его собственного существования, благодаря развитию экологического движения приобрела статус морального субъекта, которого недопустимо мыслить только как средство. В дополнение к антропоцентристским вариантам этики возникли патоцентристские, биоцентристские, эоцентристские, геоцентристские.

Далее, классическая моральная философия предполагала, что «в контексте совершаемого действия в конкретном домене реальности сущность “человека” и базисные условия его существования

пребывают как константные по природе вещей и не преобразуются за счет реализации самого этого действия»⁷. Как было показано в случае с биотехнологической ре-де-кон-струкцией сексуальности, современные биомедицинские технологии оказываются способными трансформировать не только условия существования человека, но и его сущность – самоидентичность.

И, наконец, Йонас намечает четвертую особенность нового понимания ответственного действия. В традиционной этике «добро и зло, по поводу которых реализует себя моральная забота, связаны либо с самим действием, либо с его ближайшими последствиями. Они никогда не становятся предметами отдаленного планирования»⁸. Причем отдаленное планирование, с необходимостью происходящее в условиях неопределенности, нужно не только в плане учета последствий изменения среды существования человека, но и в плане возможных сценариев преобразования его сущности.

В данной ситуации идея ответственного поступка радикально меняется. При столкновении с конкретной моральной проблемой, порождаемой научно-техническим прогрессом, человеку необходимо принимать однозначное решение. Ясно и обоснованно отвечать на вопрос: да или нет, запретить или разрешить, к примеру, использование генетически модифицированных продуктов питания. И в этом смысле сохранить преемственность с аристотелевским пониманием поступка и моральной ответственности. Но ответ, в силу трудности предсказания отдаленных последствий как «да», так и «нет», с необходимостью окажется временным. Поэтому проблему необходимо сохранить, постоянно осуществлять мониторинг развития последствий того или иного однозначно принятого решения. Тем самым остаются в деле не только те позиции, которые были приняты, но и временно отклоненные. Спор сохраняется как необходимость, внутри которой вызревают новые варианты полагания морального порядка против хаоса.

Возвращаясь к сказанному выше: философия как непрекращающийся спор обоснований рационального действия человека – это и есть отработанный культурой социальный орган мониторинга последствий принятых решений (исторических поступков) или свершившихся помимо воли человека исторических преобразований. Так же, как и история, и другие формы постижения природы человека. Спор – это жизнь духа. Поэтому *исторически безответствен-*

ны поползновения «людей дела» и у нас, и в иных странах, прикрыв «говорильню» спора законодательно или используя административный ресурс, привести философию и историю к общему знаменателю в виде общей идеологии или канонизированной истории.

В области биомедицинских технологий органом диагностики и мониторинга вечных проблем, прежде всего проблемы человека, стала биоэтика. Методологической основой мониторинга выступает идея гуманитарной экспертизы, основывающаяся на действии «принципа опережающего реагирования»⁹.

Примечания

- ¹ Термин «сексуальность» я использую в том же научном семантическом поле, в котором говорят, к примеру, о сексуальности moskitov.
- ² *Библер В.С.* Самостояние человека... Кемерово, 1992. 118 с.
- ³ Ссылку на Шекли я заимствовал из книги Я.Свирского «Самоорганизация смысла (Опыт синергетической онтологии)» (М., 2001).
- ⁴ *Jonas H.* The imperative of Responsibility: in search of an Ethics for Technological Age. Chicago, 1984. P. 4.
- ⁵ Время и нарине.
- ⁶ *Jonas H.* Op. cit.
- ⁷ Ibid.
- ⁸ Ibid.
- ⁹ *Юдин Б.Г., Луков Вал.А.* Гуманитарная экспертиза. К обоснованию исследовательского проекта. М., 2006. С. 23–27.